

летить вверхъ: я ловлю да навиваю. Вдругъ бабій порвался: я упалъ въ болото, увязъ по самую пазуху. Прилетѣла утка, гнѣздо свила, яйца снесла. Идетъ волкъ яйца ѣсъ. Я схватилъ за его хвостъ, онъ меня и выволокъ. Ёсъ хочу, а нечего. Вижу — рѣчка не мелка, ни глубока: воробью по колѣнки, а перетти негдѣ. Я былъ догадливъ: нарѣзалъ прутьевъ, накидалъ и перешелъ. Вижу горѣлое дупло; въ дуплѣ жарены перепелки кричатъ. Я подошелъ. Совъ руку — не лѣзетъ. Я догадливъ былъ: разрѣзалъ да самъ ввалился. Напился, наѣлся, а вытти-то не могу. Побѣждалъ домой за топоромъ, взялъ топоръ, разрубилъ дупло, и вылѣзъ!

г. Ланшевъ. 1883 г.

154. [Варіантъ].

Обуль топоръ ва босу ногу, лапти за поясъ, пошелъ мимо лыкъ горы драть, липовы да еловы, съ которыхъ лыки сымаются. Пошелъ дальше и вижу, будто на трехъ уточкахъ озеро плаваетъ. Взялъ три палочки. Перву кинулъ — не докинулъ. Втору кинулъ — не докинулъ. Третью кинулъ — попалъ, да мимо. Мясо-то осталось, а пухъ весь улетѣлъ. Иду дальше и вижу: въ осиновомъ дубу жарены галчаты сидятъ. Я залѣзъ и съѣлъ всѣхъ и растолстѣлъ. Руку сунулъ — не просунулъ; ногу сунулъ — не просунулъ. Пошелъ за топоромъ да вырубился.

г. Ланшевъ. 1883 г.

155. О священникѣ.

Вотъ, видишь ли, скажу твайй милости. Былъ адинъ священникъ бяднѣющій, пребяднѣющій. Приходъ ли у него былъ больна малый, али, какъ сказать тебѣ, правду молвить, не знаю, што иное, только, слышъ, всё молился Богу, ка-бы, знашъ, въ дастаткѣ-та быть, пасправнея. Вотъ онъ всё малился ды малился, день и ночь, знашъ, всё малился и Николу Миласливава прасилъ, знашъ, всё, ка-бы спра-

виться. Анъ-нѣтъ, лихъ! Не даѣтъ Бохъ ему, слышъ, счастья. Вотъ онъ пашолъ изъ дому, слышъ, куды глаза глядятъ. Вотъ шолъ, шолъ, всё шолъ, слышъ, и увидалъ онъ возля дароги, сидятъ двоя съ сумками, знашъ, какъ и онъ, пѣшіе. Ну, знашъ, присѣли отдохнуть. Адинъ-атъ, видишъ, малодинькай съ бароткай, а другой-ятъ сѣдинькай старичокъ. Знашъ, адинъ-атъ былъ самъ Христосъ, а другой-ятъ, слышъ, Никола Милосливай. Вотъ онъ абрадавался, патшолъ къ нимъ. Патшолъ и гаварить имъ: „ну, слышъ, братцы! Вы, какъ и я же, пѣшкомъ идѣте. Кто вы, дискать, таковы?“ Ани, знашъ, ему сказали: „мы, слышъ, ворожецы, знахари, знашъ, варажить умѣимъ и лѣчимъ“.—„Ну, слышъ, незля ли взять, слышъ, вамъ меня съ сабой?“—„Пайдемъ, слышъ, ему гаварятъ, только матрѣй, слышъ, всё поровну дѣлать“.—Знама дѣла, што поровну“. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та и пашли ани всѣ, слышъ, троя вмѣсти. Вотъ шли, шли они, шли, шли, устали и зашли, слышъ, начавать въ избушку. Попъ-атъ, слышъ, всё у себя съ вечеру сѣлъ, што, знашъ, была у него сѣснава. А у Христа-та, слышъ, съ Николай Милосливымъ была адна лишь прасвирочка и ту, слышъ, палажили ани на полочку у образовъ да другова дни. Наутро попъ, слышъ, всталъ, захатѣлась ему ѣсть, онъ взялъ украткой ту прасвирочку и сѣлъ, слышъ, еѣ. Христосъ-атъ, слышъ, схватился прасвирочки, анъ-лихъ, ея нѣтъ! „Кто, слышъ, маю прасвирочку сѣлъ“, гаварить папу. Онъ, слышъ, заперся, не сказалъ,—„знать, слышъ, не знаю, я не ѣлъ еѣ“. Вотъ такъ таму дѣлу и быть. Встали, вышли изъ избушки и пашли апять. Вотъ ани шли, шли и пришли, слышъ, въ адинъ горать. Вотъ малодинькай-ятъ съ бароткой, знахарь, знашъ, Христосъ-атъ и гаварить: „въ эвтомъ городѣ у багатава-де барина есть, слышъ, балъная дочь; никто, слышъ, не смохъ еѣ излѣчить, айда-те-ка мы къ нему“. Вотъ пришли ани къ таму, слышъ, барину, стали стучаться у него подъ акномъ. „Пусти-ка насъ. Мы, слышъ, вылечимъ тваю дочь“. Вотъ пустили, слышъ, ихъ. Далъ имъ тотъ баринъ дочь свою, знашъ, лѣчить. Вотъ ани взяли, слышъ, еѣ и павели въ баню. Павели въ баню, и вотъ Христосъ-атъ всеѣ еѣ разрѣзалъ на части. Разрѣзалъ на части еѣ, ана, слышъ, и не слыхала, и не плакала, и не кричала. Вотъ взялъ еѣ, слышъ, всеѣ навсеѣ перемылъ въ

трехъ вадахъ. Перемылъ въ трехъ вадахъ и слажилъ ее всеѣ, слышъ, вмѣсти па-прежняму, какъ, знашъ, была. Слажилъ вмѣсти и спрыснулъ разъ — ана, слышъ, сраслась; спрыснулъ въ другой — ана, слышъ, пашевелилась; спрыснулъ въ третій — ана, слышъ, встала. Вотъ привели ее знашъ, къ атцу. Привели къ атцу, ана, знашъ, и гаварить: „я, слышъ, ва всеѣмъ здарова папрежнему“. Вотъ баринъ тотъ ихъ. вдоволь, слышъ, всеѣмъ сыто-насыто накармилъ и напайлъ. Попъ, знашъ, ѣлъ, ѣлъ, насилу всталъ, слышъ, съ мѣста, а тѣ, знашъ, Христосъ-атъ ды Никола Миласливый немношка закусили, слышъ, и сыты. Вотъ паслѣ баринъ-атъ, слышъ, аткрылъ имъ сундукъ съ деньгами. „Ну, слышъ, берите, сколько, слышъ, душѣ вашей угодна“. Вотъ, знашъ, Христосъ взялъ горсточку ды Никóла Милосливый другую, а попъ началъ, слышъ, савать вездѣ себѣ: и въ карманы, слышъ, и за пазухи, и въ суму, и въ сапоги — ѣльно вездѣ было поланъ. Вотъ эвтимъ дѣломъ-та нашли ани апять въ дарогу. Шли, шли, слышъ, и пришли къ рѣчки. Христосъ-атъ съ Никóлай Милосливымъ, знашъ, разомъ перешли легохонько, а попъ-атъ съ деньгами шолъ, шолъ, знашъ, па вадѣ-та и началъ было тануть. Вотъ, слышъ, съ другога-та берегу Христосъ-атъ съ Никóлай Милосливымъ кричатъ ему: „знашъ, брось, брось деньги, брось, слышъ, деньги, а то утонишь“. — „Нѣтъ, слышъ, хоть утану, не брошу ихъ“. — „Брось, брось, слышъ, а-то умрѣшь, слышъ, захлебнѣшься“. — „Нѣтъ, слышъ, умру, не брошу, знашъ“, имъ говоритъ и каѣ какъ перебрѣлъ и онъ, слышъ, съ деньгами-та чрезъ рѣчку. Перебрѣлъ, вотъ и сѣли всеѣ троя, слышъ, на бережокъ. Сѣли, вотъ Христосъ-атъ, слышъ, и говоритъ папу: „давай, слышъ, деньги-та дѣлить?“ А попъ-атъ, знашъ, не даѣтъ. „Эвто май, слышъ, деньги. Вы што, слышъ, не брали себѣ больше, я, слышъ, чуть была не утанулъ съ ними, а вы гаварили, слышъ, брось ихъ“. — „А угаворъ-атъ, знашъ, сказалъ Христосъ, вить лутча денихъ“. Вотъ попъ-атъ сталъ, слышъ, выкладывать сваи деньги всеѣ въ кучу, и Христосъ, знашъ, съ Никóлай Миласливымъ слажили сваи туды жа. Вотъ эвтимъ дѣломъ-та Христосъ, знашъ, сталъ дѣлить деньги и класть на четыре кучки, знашъ, на четыре доли. Попъ-атъ, слышъ, гаварить: „насъ-де троя, каму, слышъ, кладешъ ты ищо

четвертую долю“ — „Четвертая доля, слышъ, таму, знашъ, гаварить Христось, кто маю прасвирачку съѣлъ“. — „Я, слышъ её съѣлъ“, патхватилъ попъ. Вотъ Христось-ать съ Никóлай Милосливымъ, знашъ, усмѣхнулись.—„Ну, коли ты мою прасвирачку съѣлъ, такъ вотъ тебѣ эвти двѣ кучки денѣхъ! Ды вотъ и маю, слышъ, возьми себѣ же, гаварить Христось“.—„И маю, слышъ, кучку вазьми себѣ“, гаварить Никола Милосливай. „Ну, таперь у тебя, слышъ, многа денѣхъ! Ступай, слышъ, дамой, а мы пайдемъ, слышъ, адни“. Вотъ попъ-ать, взялъ, слышъ, всѣ денѣги и пашолъ, слышъ, адинъ. Пашолъ, знашъ, и думайтъ: „чѣмъ, дискать, мнѣ дамой итти, лутча я пайду адинъ, слышъ, лѣчить: я таперь сумѣю; виделъ, какъ, слышъ, лѣчуть“. Вотъ онъ шолъ, шолъ, пришолъ, слышъ, въ горотъ и просится къ аднаму багатаму купцу,—знашъ, узналъ, што у него есть дочь бальная и нѣхто её не могъ, знашъ, излѣчить. Вотъ и просится къ нему. „Пустите меня, слышъ, я вашу бальную дочь вылѣчу“. Вотъ, слышъ, пустили ево. Онъ, знашъ, увѣрилъ ихъ, што вылѣчить. Ну, слышъ, хорошо. Такъ таму дѣлу и быть: вылѣчить, такъ вылѣчить. Вотъ выпрасилъ онъ большой ношъ вострай и павѣлъ бальную въ баню и началъ, слышъ, её рѣзать на части, знашъ, видѣлъ, какъ Христось-ать рѣзалъ. Только ну-ка кричать эвта бальная. Кричала, кричала, што ни есть мочи. „Не кричи, слышъ, не кричи, будишъ здорова“. Вотъ изрѣзалъ её, слышъ, замертво на части и началъ, слышъ, её перемывать въ трехъ вадахъ. Перемылъ, знашъ, началъ складывать опять, знашъ, какъ была, папрежнему, анъ—лихъ, ана не складывается папрежняму-та. Вотъ онъ мучился, мучился надъ нею, каѣ-какъ слажилъ. Слажилъ, слышъ, и спрыснулъ разъ, анъ, слышъ, ана не срастается; спрыснулъ въ другой—толку нѣтъ; спрыснулъ въ третій—всё, знашъ, безъ толку. „Ну, слышъ, бѣда мая, прапалъ я таперь! Угажу, слышъ, на виселицу, либа, матрай, въ Сибирь въ катаргу. Господи, памаги мнѣ и ты, Никола Милосливай!“ Началъ, слышъ, плакать и малиться Богу и Николѣ Милосливаю, штопъ, знашъ, паслалъ ему опять тѣхъ знахарей. Вотъ, знашъ, видитъ въ акошко, што идутъ къ нему въ баню тѣ знахари, малодинькой съ бароткай и сѣдинькай стари-чокъ. Вотъ какъ, слышъ, абрадавался имъ! Бухъ имъ въ

ноги: „батюшки маи, будьте атцы радные! Вотъ я по вашему, слышъ, взялся лѣчить, ды не выходитъ“. А эвти знахари, знашъ, апять были Христось и Никола Милосливый. Взашли, знашъ, и усмѣхнулись. Усмѣхнулись, знашъ, и гаварять: „ты, слышъ, бо́льна скоро выучился лѣчить-та“. Вотъ, знашъ, Христось-ать взялъ всю её по частямъ перемылъ; перемылъ ды и слажилъ. Слажилъ, знашъ, папржнему, какъ была, и спрыснулъ разъ—ана сраслась; спрыснулъ въ другой—ана, знашъ, пашевелилась; спрыснулъ въ третій—ана, слышъ, встала. Вотъ попъ-ать, знашъ, перекрестился. Ну, слышъ, слава тебѣ, Господи, ужъ вотъ какъ рать, сказать нельзя! „Вазьми, слышъ, знашъ, сказалъ Христось, и атведи её таперь къ атцу. Ды матряй, больше не лѣчи, крѣпко-накрѣпко наказалъ ему, а не то, слышъ, пропадешъ“. Вотъ знахари тѣ, знашъ, Христось-ать и Никола Миласливый пашли са двара, а попъ-ать привелъ её, слышъ, къ атцу. „Вотъ, слышъ, я её излѣчилъ“. Дочь, знашъ, сказала атцу, што ана здорова таперь папржнему. Купецъ ну-ка ево паить, кармить, уговаривать штопъ астался онъ, слышъ, у нево. „Нѣтъ, слышъ, не останусь!“ Вотъ онъ ему, слышъ, денихъ далъ вдоволь, лошаты съ павоскай, и попъ ушъ прямо паѣхалъ дамой и палажилъ зарокъ, што лѣчить таперь не станить.

Чистопольскій у. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

156. Баринъ и кучеръ.

Поѣхалъ баринъ съ кучеромъ въ гости къ своему тестю. Кучеръ взялъ съ собой калачъ, а баринъ ничего не взялъ. Вотъ они ѣдутъ. Навстрѣчу имъ попался мужикъ. Они его и спрашиваютъ: „далеко-ли до города?“ Онъ и говоритъ: „если тихо поѣдете, то сегодня доѣдите, а если шибко—не доѣдите“.—Айда, гоняй скорѣй, нечего дурака слушать“, говоритъ баринъ. Вотъ они гнали, гнали лошадей, лошади-то и устали и довелось имъ ночевать въ полѣ. Выпрягли они лошадей. Баринъ легъ спать, а самъ не спить, потому ѣсть хочеть. А Афонька—кучеръ взялъ калачъ, обернулъ сѣномъ и ѣсть. „Ты чево ѣшь?“ спраши-